

ИЗВЕСТИЯ О НОВГОРОДСКОМ АРХИЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ КАЛИКЕ В ЖИТИИ ЛАЗАРЯ МУРОМСКОГО¹

«Мужем добрым, кротким и смиренным»² именуется летописец одного из самых знаменитых в истории новгородской церкви владык — архиепископа Василия Калику (1330—03.07.1352). Владыка Василий известен как неутомимый градостроитель, построивший и украсивший множество новгородских храмов и других зданий, мудрый политик, добывавшийся мира между Новгородом и Москвой, путешественник, совершивший паломничество в Палестину, иконописец и писатель — автор «Послания... к владыце тверьскому Феодору о рае» [Панченко; Печников, Турилов]. Источниками для реконструкции биографии Василия Калики, кроме его «Послания...», служат, прежде всего, новгородские и псковские летописи и «Краткий летописец новгородских владык» (кон. XV в.) [Новикова, 1999; Новикова, 2000; Новикова, 2007]. Недавно было исследовано и опубликовано краткое Житие Василия Калики в составе Стишного Пролога за март—август начала XVI в., хранящегося в Папском Восточном институте в Риме [Бобров, 2011, с. 570—572]. Большое внимание Василию уделяется в Повести о новгородском белом клобуке (XVI в.), в которой излагается история передачи в Новгород святительского головного убора — белого клобука, символизирующего чистоту православия³.

Известия о Василии Калике, не привлекавшие до сих пор внимания исследователей, содержатся также в Житии Лазаря Муромского⁴ — таково принятое в науке название новгородского литературного памятника, совмещающего традиции нескольких жанров: духовных грамот, житий святых, сказаний об основании монастырей, о чудотворных иконах и апокрифических легенд. Согласно этому памятнику, Лазарь Муромский — византийский монах, посланный в Великий Новгород константинопольским патриархом Филофеем Коккином для передачи Василию Калике белого клобука (в изложении тех же событий в Повести о новгородском белом клобуке Лазарь не упомянут). После этого Лазарь вернулся в Константинополь, но был вторично отправлен в Новгород — на сей раз по поручению своего «духовного настоятеля» кесарийского епископа Василия (в другом месте Жития он назван цареградским епископом; это имя неизвестно по историческим источникам), — чтобы изготовить список с новгородской иконы Софии Премудрости Божией и изображения новгородских храмов и монастырей (Лазарь был изографом). На родину Лазарь не вернулся; четыре года он провел в Новгороде рядом с Василием Каликой и после его смерти отправился на Онежское озеро, где обратил в христианство местных язычников, «чудь белоглазую и лопарей», предал погребению мощи египетского митрополита Макария⁵ и основал Успенский Муромский монастырь (восточный

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № АААА-А18-118030190094-6).

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 342.

³ История изучения этой повести имеет богатую традицию (см.: [Лурье; Буланин, Творогов]). Среди новейших работ следует в первую очередь назвать цикл статей В. М. Кириллина (см., например: [Кириллин, 2004а; Кириллин, 2004 б]).

⁴ В рукописях памятник имеет разные заглавия: «Начало святых обители Успения Пречистой Богородицы да Рожества великаго во пророцех Предтеча Господня Иоанна и преподобнаго чудотворца Афанасия... Духовная грамота священноинока игумена Муромскаго монастыря Лазаря» (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 542); «Повесть о Муромском острове» (ИРЛИ. Колл. В. Н. Перетца. № 223 и др.); «Повесть о Муромском монастыре, иже есть близ Онега озера» (БАН. Собр. В. В. Лукьянова. № 220). Лишь в некоторых поздних списках памятник именуется «Житием преподобнаго Лазаря Муромскаго чудотворца» (БАН. Собр. текущих поступлений. № 610 и др.).

⁵ Апокрифический рассказ Жития о захоронении Макария Египетского содержится только в одном списке памятника: ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 542 (опубликован в: [Крылова]); пока он не был прокомментирован исследователями. В Житии сообщается, что Макарий «остави епископию» «в лето 6532» (1024), «а преставися в лета 6552» (1044). Каким образом мощи Макария оказались на Онежском озере, Житие умалчивает.

берег Онежского озера). В Житии использована редкая для древнерусской агиографии форма автобиографического повествования: в основной части текста рассказ ведется от лица самого Лазаря, в заключительной - от имени его ученика Феодосия, который якобы записал исповедь, духовное завещание Лазаря «от уст его» (ссылка на «духовную грамоту» Лазаря содержится в заглавии некоторых списков Жития) [Литвинова, Прохоров; Пигин].

Житие сохранилось в трех редакциях: двух пространных (Уваровской и редакции Ундольского) и краткой. Обе пространные редакции известны лишь в единичных списках: одна — в списке РГБ. Собр. В. М. Ундольского. № 146 (сер. XVII в.), другая — в списке ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 542-4⁰ (сер. XVII в.). Наиболее широкое распространение в рукописной традиции получила краткая редакция: 13 списков XVIII–XIX в. Эта редакция неоднократно привлекала к себе внимание историков, поскольку в ней содержится текст грамоты новгородского посадника Иоанна Захарьевича, передающей во владение монастырю земли на восточном побережье Онежского озера. Датированная в Житии 1182 г. грамота никак не соотносится с основным историческим фоном повествования (XIV в.). По мнению С. Н. Валка [Валк, с. 301-303] и В. Л. Янина [Янин, 1991, с. 358–359], эта грамота является фальсификатом XVII в., созданным в период имущественных споров между монастырями Обонежья в XVII в.⁶ Исследовательница рукописной традиции Жития Н. Н. Литвинова (Барминская) относит возникновение памятника к рубежу XV–XVI в. и предполагает, что его первоначальный текст отразился в пространной редакции по списку Ундольского [Литвинова; Барминская]. Соглашаясь с выводом Н. Н. Литвиновой (Барминской) о первичности редакции Ундольского (текстологическому исследованию списков Жития мы планируем посвятить отдельную работу), отметим, что для датировки памятника рубежом XV–XVI в. серьезных оснований нет. Наиболее ранние списки Жития датируются 1640–1650-ми годами, а имя Лазаря не упоминается ни в описях монастыря 1583–1645 г., ни во владельческих записях в рукописях из Муромского монастыря XV–XVI в., ни даже в царской грамоте монастырю 1650 г.⁷ По-видимому, Житие было создано лишь в XVII в. (о возможной верхней границе в датировке памятника см. ниже).

Главной отличительной особенностью редакции по списку Ундольского⁸ является гораздо более подробный, по сравнению с двумя другими редакциями Жития, рассказ о жизни Лазаря до его ухода на Онежское озеро, особенно о его пребывании в Великом Новгороде и о его духовном общении с новгородскими архиепископами Василием Каликой и Моисеем (1325–1330, 1352–1359). К сожалению, список Ундольского сохранил текст Жития не в полном объеме: повествование обрывается здесь (похоже, из-за утраты листов) на рассказе о явлении Лазарю Богородицы, благословляющей место для строительства Успенского храма будущего Муромского монастыря. Список Ундольского никогда не публиковался⁹ (в отличие от двух других редакций Жития), а потому новгородские эпизоды этого варианта текста до сих пор не попадали в поле зрения исследователей.

Подробный рассказ о Василии Калике, о встречах с ним Лазаря Муромского, о смерти и погребении Василия как раз и составляет основное содержание «новгородской части» Жития по списку Ундольского. Архиепископ Василий в этой редакции является не менее значимым персонажем, нежели сам Лазарь. Устами патриарха Филофея автор уподобляет Василия Калику

⁶ Высказывалась, впрочем, и другая точка зрения: [Мусин].

⁷ См.: Житие Лазаря Муромского // Новый Олонецкий патерик / Сост. А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 42; [Макаров, с. 132].

⁸ Рукопись из собрания В. М. Ундольского (№ 146) содержит текст только одного памятника — Жития Лазаря Муромского: рукопись форматом в четверку, 16 листов, полуустав. На листах с трудом просматривается филигрань «феникс», которая датируется 1640–1650-ми годами (см.: [Дианова, Костюхина, № 1103–1109]). Филигрань была идентифицирована по нашей просьбе А. Б. Ипполитовой, которой выражаем сердечную благодарность.

⁹ Список Ундольского был использован архиепископом Филаретом (Гумилевским) в его пересказе Жития Лазаря Муромского, однако новгородские эпизоды были им сокращены [Филарет (Гумилевский), с. 325-338].

Василию Великому: Филофей «же возрев на образ святителя Василия (то есть на его портрет, написанный Лазарем. — А. П.) и со слезами облобызаше, и удивися подобию святого образа его, и нарек его быти втораго Василия Великаго» (Л. 2 об.—3)¹⁰. Вероятно, во времена автора Жития в Новгороде еще помнили, что Василий Калика (в миру Григорий) принял постриг с именем в честь Василия Великого.

Не столь многословно и торжественно, но тоже вполне отчетливо автор прославляет и преемника Василия новгородского архиепископа Моисея: «Первопрестолник убо святыя соборныя и апостольския церкви Моисей свят и преподобен житием, мною его велика архиерея быти Богу» (Л. 7). Включен в редакцию Ундольского и панегирик самому Новгороду: «Хвалю, и почитаю, и ублажаю тебе, Великий Новъград, и градъная основания твоя паки величаю! Како породи в себе множество таковыя чада и како воспита и возрасти!» (Л. 6—6 об.).

Сравнение известий о Василии Калике в Житии Лазаря Муромского и в тех памятниках, которые были перечислены выше (летописи и др.), показывает, что в отдельных случаях они полностью совпадают, в других — находят лишь частичное соответствие друг другу; однако порой Житие содержит и уникальную, нигде более не встречающуюся информацию. Поскольку Житие является одним из наиболее поздних памятников, включающих сведения об архиепископе Василии, вряд ли эту информацию можно использовать для уточнения подлинных исторических обстоятельств его жизни. Житие Лазаря Муромского представляет интерес скорее как результат длительной филиации исторических преданий о святом, имевших как книжное, так и устное бытование.

Имя Василия Калики появляется уже в самом начале Жития в описании двух путешествий Лазаря в Новгород по поручению константинопольского патриарха Филофея и кесарийского епископа Василия. Сюжет о передаче Василию белого клобука перешел в Житие, несомненно, из Повести о новгородском белом клобуке, но изложен здесь гораздо короче: «Послану ми бывшу Фелофеом патриархом Константина града со Евмением епископом к Василию епископу, иже Великаго Новаграда кормила правящу, его повесть споведати о белом клобуке, како ему явился ангел Господень. Нам же по заповеди Филофея патриарха стройне и благополучне, Богом способствуеми, постигше Великий Новъград и вся посланная нами и святыи белый клобук с посланием вручивше владыце Василию. Он же с великою честью прият и со множеством народа велие благодарение Богу возсылаше» (Л. 1 об.—2)¹¹. В рассказе о втором путешествии Лазаря в Новгород — на сей раз по поручению кесарийского епископа Василия — обратим внимание лишь на одну деталь. Кесарийский епископ повелевает своему посланнику передать Василию Калике «многия святыя чудотворныя образы и златом утвореная святительская одеяния» (Л. 3 об.). Источником этого мотива — передачи святительских одеяний — мог послужить рассказ новгородских летописей о том, как в 1346 г. митрополит Киевский и всея Руси Феогност благословил Василия Калику «крещатыми ризами» (полиставрием) (Новгородская I летопись, Новгородская IV летопись, «Краткий летописец новгородских владык» и др.)¹². «Крещатые ризы» упоминаются и в Повести о новгородском белом клобуке (в пространной редакции), но здесь дарителем является патриарх Филофей: в один «ковчежец» он положил белый клобук, а в

¹⁰ Здесь и далее текст Жития, если это не оговаривается особо, цитируется по рукописи РГБ. Собр. В. М. Ундольского. № 146 с указанием в скобках после цитаты листов.

¹¹ Влияние Повести о белом клобуке на Житие Лазаря отмечал еще Н. Н. Розов [Розов, с. 200-201]. Однако исследователь не ставил перед собой задачу детального сопоставления двух памятников, к тому же с рукописной традицией Жития он знаком не был. Между тем для решения вопроса о датировке Жития (по крайней мере, для определения ее нижней границы) и установления обстоятельств его создания представляется важным определить, к какому именно из вариантов текста Повести оно восходит. К сожалению, до сих пор отсутствует монографическое издание Повести, основанное на текстологическом изучении всех сохранившихся ее списков.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 358; ПСРА. СПб., 1848. Т. 4: IV, V новгородские и псковские летописи. С. 57; [Новикова, 2007, с. 635].

другой — «ризы крестъчаты» и «иныя многия честныя дары чудны»¹³. В Житии, правда, ризы описаны иначе («златом утвореная»), но очевидно, что перед нами филиация того же мотива, с неизбежной вариативностью в именах и деталях.

Две небольшие главки в Житии Лазаря Муромского, имеющие свои заглавия («О великом образе Василия епископа Калейки и о преставлении», «О месте, идеже преставися святитель»), посвящены преставлению и погребению Василия Калики. В полном соответствии с летописями это событие датировано 1352 г.; сообщается, что святитель умер по пути из Пскова в Новгород, позднее его тело было перенесено для прощания с ним новгородцев в Софийский собор. Однако далее начинаются расхождения с летописями: повествуется о захоронении Василия Калики в монастыре Воскресения Христова, который якобы был им создан («Таже со множеством народа вкупе отпевше надгробная пения и погребоша его честно в созданном от него монастыри Воскресения Христова» (Л. 6 об.)), и о строительстве на месте смерти Василия монастыря «во имя святого пророка Ильи» (Л. 7). Воскресенский монастырь упоминается еще раз далее: в нем некоторое время после смерти Василия и по его завещанию пребывал Лазарь Муромский («Пребывающу ми в келии в созданном монастыре от господина моего Василия епископа» (Л. 7—7 об.)). В Житии сообщается также, в отличие от летописей, о пострижении Василия в схиму.

Согласно новгородским летописям, Василий умер недалеко от устья реки Узы, на реке Шелони, в монастыре «святого Михаила»¹⁴. Таким образом, монастырь на этом месте уже существовал, но только не Ильинский, а Михайловский. В XVI в. в Христорождественском соборе Михайловского монастыря находилась придельная Ильинская церковь, неизвестно когда построенная [Зверинский, с. 124, № 779]. Не она ли в сознании новгородцев была связана с памятью о Василии Калике? Или автор Жития имеет в виду какой-то другой монастырь? Ответов на эти вопросы пока нет.

Монастырь «Воскресения Христова» идентифицируется более надежно — это Воскресенский Деревяницкий монастырь, находившийся к северу от Новгорода на правом берегу реки Волхова при впадении в нее речки Деревяницы. Однако основателем этого монастыря летописи называют не Василия Калику, а Моисея, который являлся новгородским архиепископом дважды, до и после Василия: «В лето 6843 (1335) владыка Моисей заложи церковь камену святого Воскресения на Деревяници, монастырь»¹⁵. Не соответствует действительности и сообщение Жития Лазаря о захоронении Василия Калики в этом монастыре: владыка был похоронен в новгородском Софийском соборе («...и положиша и у святой Софьи притворе»¹⁶ (иногда с уточнением: «в притворе болшем»)) [Бобров, 2011, с. 570–571]. Обозначение «притвор болший» применялось к Мартирьевской паперти Софийского собора, где в 1946 г. в ходе археологических раскопок было найдено погребение (№ 5) новгородского святителя с хорошо сохранившимися облачениями, в том числе с полиставрием и белым клобуком. По предположению А. Л. Монгайта, это захоронение принадлежит Василию Калике [Монгайт, с. 100–104]. В. Л. Янин считает эту атрибуцию «далеко не безупречной», полагая, что останки в погребении № 5 могут принадлежать «любому более позднему, нежели Василий, новгородскому архиепископу» [Янин, 1988, с. 64, 65], однако сам факт захоронения Василия Калики в Софийском соборе сомнений у историков не вызывает.

¹³ Повесть о новгородском белом клобуке // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 226.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 100.

¹⁵ Подборку выписок из разных летописей об основании Деревяницкого монастыря в 1335 г. см.: [Кадыкин, Шляпкин, с. 1–2]. Основателем монастыря везде назван Моисей.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 100.

В основе известий Жития Лазаря Муромского об основании Деревяницкого монастыря Василием Каликой и о погребении здесь владыки лежат, по-видимому, устные предания, возникновение которых могло быть вызвано подлинными историческими обстоятельствами. Связь Василия Калики с монастырем на Деревянице, его забота об этой обители подтверждаются источниками. В 1348 г. новгородский святитель повелел расписать Воскресенский храм монастыря¹⁷, да и само создание обители приходится на время его архиепископства. Более того, есть основания думать, что Василий хотел удалиться на покой в Деревяницкий монастырь, а возможно, и быть погребенным здесь. В рукописи Иерусалимского устава (ИРЛИ. Новгородско-Псковское собр. № 89), датируемой по пасхалии 1498 г. и принадлежавшей в XVI в. Деревяницкому монастырю, на последнем листе (Л. 296 об.) имеется следующая запись: «Месяца июля 3 день на память святаго мученика Иакинфа преставися преосвященный архиепископ Василей, <обед на> сенех, питиа бочка меду, да бочка пива, подел по челкви братьи». Речь идет о поминальной трапезе для братии Деревяницкого монастыря по Василию Калике, который дал сюда вклад на «вечное поминание». Примечательно, что эта запись находится в рукописи в одном ряду с аналогичными записями о поминании новгородских владык Евфимия I, Алексея и Ионы, которые действительно были похоронены в Деревяницком монастыре¹⁸. Не исключено, что эта духовная связь Василия Калики с обителью на Деревянице, продолжавшаяся и после его смерти в монастырской поминальной практике, и могла породить предание о захоронении его здесь.

В XVII в. было создано еще одно сочинение, в котором сообщается о погребении Василия Калики в Деревяницком монастыре, — «Роспись» новгородских святых, составленная в 1634 г. протопопом Благовещенского Кремлевского собора в Москве, духовником царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны Максимом [Каган]. Обстоятельства появления на свет этого сочинения хорошо известны. В 1634 г., готовясь к пострижению в монахи, Максим удалился из Москвы в Новгород, где он получил от царицы письмо (датировано 26 февраля 1634 г.) с просьбой описать новгородские святые: «сколько в Новгороде и в новгородских местех чудотворных мест, и в коем месте и который чудотворец какими чудесы от Бога просвещен» [Забелин, с. 50]. Поручение Евдокии Лукьяновны было выполнено Максимом в течение трех месяцев; 23 мая 1634 г. «Роспись» новгородских святых была доставлена в Москву. Сочинение представляет собой описание погребений 21 новгородского святого, преподобных и князей, иногда с краткими справками о них на основе их житий и с указанием дней памяти. В этот перечень Максим включил и Василия Калику: «На той же стороне реки Волхова, вниз, подле реки Малаго Волховца, за три версты от города, в монастыре, рекомо на Деревянице, в храме Воскресения Христова, мощи Василия, архиепископа новгородскаго, ему же прислан белый клубок из Царяграда, по проповеданию и по явлению ангелову» [Забелин, с. 55–56].

В письме к Евдокии Лукьяновне, к которому приложена «Роспись», основным источником сведений о святых и, соответственно, своего труда Максим называет жития: «А которой, государыня, чудотворец какими чудесы от Бога просвещен, и те чудеса их подлинно объявлены в писании жития их» [Забелин, с. 51]. Не случайно возможным продолжением своей работы по описанию новгородских святых Максим считает изготовление списка новгородских житий: «...и будет, государыня, повелишь списати тех чудотворцов жития с чудесами их подлинно, и яз, государыня, тотчас велю списати с житьями и чудеса тех новгородских чудотворцов, которым житья и чудес у вас, государей, не сыщутца» [Забелин, с. 51].

В единственном известном сегодня — проложном — Житии Василия Калики местом его вечного упокоения, как и в летописях, назван Софийский собор [Бобров, 2011, с. 570]. Представляется по этой причине, что сведения о погребении Василия на Деревянице Максим

¹⁷ Подборку известий об этом событии из разных летописей см.: [Кадькин, Шляпкин, с. 2].

¹⁸ Комментарии к этим поминальным записям см.: [Фролов, с. 202; Бобров, 2001, с. 90].

позаимствовал из Жития Лазаря Муромского. Правда, в Житии нет рассказа о том, как Василию являлся ангел, возвещающий получение из Царьграда белого клобука (ср. в «Росписи»: «...ему же прислан белый клобук из Царяграда, по проповеданию и по явлению ангелову»). Эта деталь могла быть добавлена из Повести о новгородском белом клобуке или из устной традиции.

Если наше предположение о знакомстве Максима с Житием Лазаря Муромского верно, то это означает, что в 1634 г. Житие уже существовало и воспринималось новгородской церковной элитой как вполне авторитетный текст. Очевидно, что представители Дома Святой Софии должны были оказывать помощь царскому духовнику, выполняющему задание царицы, по крайней мере в подборе необходимых для составления «Росписи» источников. При этом оба памятника, «Роспись» и Житие, свидетельствуют о том, что в первой половине XVII в. точное место погребения архиепископа Василия было уже забыто (ср.: [Янин, 1988, с. 67]).

Отголоски преданий о связи Василия Калики с Деревяницким монастырем встречаются и в других памятниках. Так, в новгородской летописи по списку П. П. Дубровского XVI в. (РНБ. F.IV.238) в статье 6843 (1335) г. «Вл(а)д(ы)ка Моисеи заложи ц(е)рк(о)вь камену Воскресение на Деревяницы в монастыре» имя «Моисей» было зачеркнуто, а над строкой в XVII в. сделано исправление, в полном соответствии с Житием Лазаря Муромского: «Василии»¹⁹. Некая церковь «святого Воскресения», в которой якобы служил Василий Калика до своей хиротонии во епископа, упоминается в его Житии в Прологе из собрания Папского Восточного института [Бобров, 2011, с. 568]. Известие это неверно, поскольку Василий служил в новгородской церкви Космы и Дамиана «на Холопьи улицы» (Новгородская I летопись; Новгородская IV летопись; «Краткий летописец новгородских владык» и др.)²⁰. Анализируя многочисленные анахронизмы и неточности в изложении исторических фактов в новгородских житиях «папского» Пролога, А. Г. Бобров считает их результатом ошибочных «припоминаний» автора и влияния устной традиции [Бобров, 2011, с. 568]. Возможно, что и в данном случае автор неверно соотнес известное ему по каким-то источникам предание о связи Василия Калики с обителью на Деревянице с более ранним периодом жизни святителя.

Кроме рассмотренных, в Житии Лазаря Муромского содержится и ряд других эпизодов с участием Василия Калики. Все важные события в Житии происходят по его молитвам; учитель Лазаря при жизни, он оказывает помощь своему «сподругу» и после смерти. Само основание Успенского Муромского монастыря интерпретируется в Житии как исполнение воли владыки: Василий является в видении первоначально Лазарю, отправляя его на «велие езеро, имянуемо Онего» (Л. 7 об.), а затем и новгородскому боярину Иоанну с повелением отдать монастырю принадлежащие ему земли. Сподвигнутый своим наставником Лазарь обращает в христианство язычников и становится «первым учителем» «всей Поморской стране»²¹. Так «добропесивная цевница, голубь небеснаго Царя» (Л. 5), как именует Василия Калику автор Жития, оказывается небесным покровителем далеких обонежских окраин.

Подведем некоторые итоги. Житие Лазаря Муромского является достаточно поздним памятником, созданным, по-видимому, лишь в первой трети XVII в. Цель его автора заключалась не только в том, чтобы рассказать о христианизации «Поморской страны» и об одном из эпизодов ее «монастырской колонизации», но и в том, чтобы возвеличить Новгород и его прославленного святителя Василия Калику. Конкретные причины, побудившие агиографа составить Житие, на данном этапе его изучения трудно назвать, но в самом общем виде

¹⁹ ПСРЛ. М., 2004. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 111.

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 99, 342; ПСРЛ. Т. 4. С. 52; [Новикова, 2007, с. 635].

²¹ Эта цитата находится в той части Жития, которая в списке Ундольского утрачена, поэтому приводим ее по тексту Уваровской редакции (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 542. Л. 550).

появление этого памятника можно связать с подъемом литературного регионализма, который наблюдался на Руси уже в первой половине XVII в. Местные писатели-«краеведы» этого и более позднего времени создавали жития святых, повести о чудотворных иконах, летописцы, пытались сохранить память об историческом прошлом своего края. Причудливое смешение в Житии подлинных фактов с историческим баснословием объясняется, скорее всего, разнообразием тех источников, которые использовал в своем произведении неизвестный автор. По всей видимости, в их число входили не только письменные памятники (летописи, Повесть о белом клобуке и др.), но и устные новгородские предания о Василии Калике. Переплетаясь с подлинными фактами, эти фольклорные нарративы создают в Житии особую легендарно-апокрифическую историю Великого Новгорода и Новгородской земли XIV в.

Литература

- Барминская Н. Н. Повесть о Муромском острове // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 129-149.
- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Бобров А. Г. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 565–575.
- Буланин Д. М., Творогов О. В. Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (вып. 2, части 1–2) // СККДР. СПб., 2012. Вып. 2. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 326–327.
- Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.; Л., 1937. С. 285-318.
- Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филигранные XVII века: По рукописным источникам ГИМ. М., 1988.
- Забелин И. Описание новгородской святыни в 1634 году // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 4. Отд. 5. С. 50–56.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2.
- Каган М. Д. Максим // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 323–326.
- Кадькин П. Ф., Шляпкин И. А. Летопись и акты новгородского Воскресенского Деревяницкого монастыря. СПб., 1911.
- Кириллин В. М. Графико-орфографический анализ рукописного источника: к вопросу о датировке краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 29–38. [Кириллин, 2004а]
- Кириллин В. М. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 393–437. [Кириллин, 2004б]
- Крылова Т. В. О тексте жизнеописания Лазаря Муромского // AION slavistica (Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli). 1995. Т. 3. Р. 391-414.
- Литвинова Н. Н. Сказание о Муромском острове - памятник новгородской публицистики XV в. // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 24.
- Литвинова Н. Н., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 288-290.
- Лурье Я. С. Повесть о белом клобуке // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 214–215.
- Макаров Н. А. Население русского Севера в XI-XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1949. Вып. 24. С. 92–104.

- Мусин А. Е.* К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина прп. Лазарю Муромскому // Новгород и Новгородская земля: история и археология (материалы научной конференции). Новгород, 25-27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 315-324.
- Новикова О. Л.* Об этапах редактирования «Краткого летописца новгородских владык» в конце XVI – первой трети XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции. Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 69–74.
- Новикова О. Л.* Новгородские сборники XVI–XVII веков: летописи, сказания, жития // Русская литература. 2000. № 3. С. 75–81.
- Новикова О. Л.* О ранней редакции Краткого летописца новгородских владык // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 627–644.
- Панченко А. М.* Василий Калика // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 92–95.
- Печников М. В., Турилов А. А.* Василий Калика // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 200–202.
- Пигин А. В.* Лазарь Мурманский (Муромский) // ПЭ. М., 2015. Т. 39. С. 665–668.
- Розов Н. Н.* «Повесть о новгородском белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 178–219.
- Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Опыт описания жизни их. Январь-апрель. СПб., 1882.
- Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 196–204.
- Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.